

ПОМЕСТНЫЙ ГОВОР

Издаётся по благословению Святейшего архиепископа Московского митрополита Всероссийского РАФАИЛА

№ 27 (апрель 2008)

Адрес сайта Священного Синода: <http://www.sinodipc.ru>

НОВОСТИ, СОБЫТИЯ, ЕПАРХИИ, ДОКУМЕНТЫ СИНОДА, ПРИХОДЫ

В НОМЕРЕ:

**ПАСХАЛЬНОЕ
ПОСЛАНИЕ
АРХИЕПИСКОПА
МОСКОВСКОГО,
МИТРОПОЛИТА
ВСЕРОССИЙСКОГО
РАФАИЛА**

стр 1-2

**Конференция
“Крестный путь
продолжается...”
“Неудобный
предстоятель,
неуместный юбилей”
игумен Иннокентий
(Павлов)**

стр 2-5

**О КАНОНИЧЕСКИХ
ОСНОВАНИЯХ
КАТАКОМБНОЙ
ЦЕРКВИ**
Л.Л. Регельсон

стр 5-7

**Волки в овечьей
шкуре**

стр 9

Исполла эти деспота

стр 9

О Святой Пасхе

стр. 10

Поездка в Украину

стр. 10

ПАСХАЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ АРХИЕПИСКОПА МОСКОВСКОГО, МИТРОПОЛИТА ВСЕРОССИЙСКОГО СВЯТЕЙШЕГО РАФАИЛА

К АРХИПАСТЫРЯМ, ПАСТЫРЯМ, ИНОКАМ И ИНОКИНЯМ
И ВСЕМ ВЕРНЫМ ЧАДАМ
ИСТИННО-ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

*И Слово плоть бысть и вселися в ны, и видехом
славу Его, славу яко едиnorodного от Отца,
исполнь благодати и истины. <...>
И от исполнения Его мы вси прияхом, и благодать
воз благодать: яко закон Моисеем дан бысть,
благодать же и истина Иисус Христом бысть.
(Ин 1:14, 16-17)*

Любимые мои!

Прежде всего, приветствую вас всерадостным апостольским приветствием, которое также как и в дни святых апостолов несёт нам всю ту же спасительную Добрую Весть, утверждая нашу веру в окончательную победу добра над злом, жизни над смертью:

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ! ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ!

Не случайно ещё со времён глубокой христианской древности в наших церквах за самым радостным и торжественным богослужением года – литургией первого дня Пасхи Христовой, читается богодухновенный гимн, открывающий Евангелие от Иоанна. И это далеко не случайно. Его ключевые слова: *И Слово плоть бысть – И Слово стало плотию*, – являются центральными во всём новозаветном благовестии. Предвечный Сын Божий – Его живое Слово, через Которое и в Котором всё было сотворено, и Которое есть совершенное откровение Небесного Отца, стал человеком, чтобы Своим совершенным послушанием Отцу искупить грех первого человека Адама, а с ним и всего человечества. Богоглаголивый апостол Павел ясно учит нас, говоря о том, что как *смерть через человека, так через человека – Христа воскресение мёртвых, как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут, каждый в своём порядке: первенец Христос, потом Христовы в пришествие Его* (1 Кор 15:21-23).

Именно плотию, то есть совершенно, кроме греха, воспринятым человеческим естеством, Сын Божий, исполненный благодати и истины, будучи носителем Духа истины явил Свою славу Христа Господня и единственного у Отца. Он исполнил волю Божью, Своей крестной смертью избавив каждого верующего в Него от вечной гибели и Своим воскресением из мёртвых дав всем верующим надежду на их будущую нетленную жизнь по воскресении в Его второе славное пришествие.

Помимо наших заслуг, а лишь по вере в Христа – Сына Божьего мы получили благодать прощения грехов, то есть того, что противно воли Божьей, одной только являющей истину и добро. Эти наши грехи восходят к ослушанию Божьей заповеди ветхим Адамом, что и стало причиной смертности человека, сотворённого Богом как Его подобие. Но через Своего Сына Бог дал нам и другую благодать – дар Духа Святого, Который один только может наставить нас во всей истине (Ин 16:13) и вести путём угождения Богу. Именно Им мы взываем: *Аваа – Отче* (Рим 8:15; Гал

4:6), тем самым свидетельствуя, что мы усыновлены Отцу Небесному как верующие в Его единственного Сына, будучи наследниками Божьего Царства.

К этому готовил Бог избранный Им народ, дав ему через Своего пророка Моисея закон. Тогда как в Сыне Божьем – Господе нашем Иисусе Христе исполнилось всё, начертанное в законе. Так что спасение пришло теперь к каждому, кто в силу неисповедимого предведения Бога поверил в Его Сына как в Христа и Господа, получив дар Духа Святого, ведущего к вечной жизни, путь к которой ныне открыт искупительной смертью и славным воскресением Христа. Нынешняя Пасха особенно радостна для нас, поскольку она ознаменована собираньем верных чад Истинно-Православной Церкви на просторах, где своё многовековое спасительное служение несла наша Мать – историческая Православная Российская Церковь. Ныне

с нами воссоединились общины в наследнице Киевской Руси – Украине. Господь благословил нам посетить нынешним Великим постом эту богохранимую страну и иметь братское во Христе общение на её просторах от Волини до Сумщины с архипастырями, пастырями и всеми верными, пожелавшими быть с нами в единстве веры и любви Христовой.

Так что теперь наша Истинно-Православная Церковь окормляет словесное стадо в землях Древней Руси – Украине, Белоруси и России. Возблагодарим Господа за эту милость к нам. Знаменательно, что это воссоединение произошло как раз тогда, когда мы отмечали 80-летие движения за истинное православие, которое в трагические годы богоборческого террора также охватило все земли некогда Святой Руси. Да будет кровь новомучеников Истинно-Православной Церкви, память которых мы теперь будем ежегодно отмечать в последнее воскресенье ноября, тем семенем, из которого будет произрастать наше преемство ей, да послужит их свидетельство ободряющим примером нам, верующим в того же Христа и в Его славное воскресение.

Да озарит воскресший Христос сердце каждого из вас своей неизреченною радостью, которую, воистину, у нас никто не отнимет (Ин 16:22).

†РАФАИЛ,
БОЖИЕЙ МИЛОСТЬЮ
АРХИЕПИСКОП МОСКОВСКИЙ,
МИТРОПОЛИТ ВСЕРОССИЙСКИЙ
ПАСХА ХРИСТОВА 2008 ГОДА
БОГОСПАСАЕМЫЙ ГРАД МОСКВА

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО АРХИЕПИСКОПА МОСКОВСКОГО, МИТРОПОЛИТА ВСЕРОССИЙСКОГО СВЯТЕЙШЕГО РАФАИЛА

Преосвященные архипастыри и всё досточтимое собрание!

Позвольте мне открыть церковно-историческую конференцию, посвященную 80-летию движения за церковную свободу и каноническую правду, приведшего к образованию нашей Истинно-Православной Церкви. Молитвенно поминая её мучеников и исповедников, мы также сочли необходимым предоставить слово учёным – церковным историкам, которые не один год заняты изучением её исторического пути и её духовных сокровищ, дабы получить новые и осмыслить известные уже свидетельства стояния в Истине Христовой наших великих предшественников.

Обстоятельства переживаемого времени не позволили нам теперь собрать большую конференцию в Москве или в Санкт-Петербурге с привлечением многих российских и зарубежных специалистов по российской церковной истории в истекшем столетии. Тем не менее, наше нынешнее камерное по своим масштабам собрание имеет по преимуществу, что у нас есть отличная возможность заслушать обстоятельные доклады двух, пожалуй, наиболее авторитетных на сегодняшний день специалистов в этой области.

Отца игумена Иннокентия (Павлова),

думаю, вам представлять не надо. Скажу только, что уже три десятилетия он плодотворно трудится на ниве отечественной церковной истории, причём в последние годы многие плоды его трудов по её актуальным проблемам увидели свет на страницах нашей газеты «Поместный Собор». Сегодня он расскажет нам о крестном пути последнего канонического предстоятеля Православной Российской Церкви Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Крутицкого Петра, 70-летие со дня мученической кончины которого мы отметили недавно. Именно его принципиальная позиция в деле сохранения внутренней свободы Церкви вдохновляла ревнителей истинного православия в нашей стране в их подвиге.

Рад представить вам Льва Львовича Регельсона, чьи труды на церковно-исторической ниве ещё в далёкие теперь 60-е и 70-е годы 20 столетия были отмечены печатью исповедничества. Его книга «Трагедия Русской Церкви», ходившая сначала в самиздате, а в 1977 году изданная в Париже, снискала ему широкое признание и благодарность в христианском мире со стороны всех тех, кого волнует исторический путь нашей Церкви в трагическом XX столетии. Конечно, в последние два десятилетия возможностей для его изучения стало значительно больше. В научный оборот было введено много новых документов. Более подробно стали изучены ранее известные, а то и неизвестные факты. Тем не менее, книга Льва Львовича остаётся живой классикой, о чём свидетельствуют два её переиздания на Родине уже в пост-советские годы. Главная её непреходящая заслуга – это трезвость оценки исторических событий и каноническая чёткость мышления автора. И теперь Лев Львович расскажет нам о канонических основаниях образования Катакомбной Церкви, под которым названием также вошло в историю движение ревнителей истинного православия в нашей стране.

На этом объявляю конференцию открытой и предоставляю слово отцу Иннокентию.

Игумен Иннокентий (Павлов)

НЕУДОБНЫЙ ПРЕДСТОЯТЕЛЬ, НЕУМЕСТНЫЙ ЮБИЛЕЙ

Специалистов по тому, что в цивилизованном мире именуется общественными связями (public relations), если они более или менее представляют исторический путь РПЦ-МП, должен немало удивить тот очевидный факт, что руководство сей централизованной религиозной организации практически не воспользовалось превосходным поводом заявить о себе российскому обществу, включая и его политический класс, в связи с юбилеем имевшего место в 1937 г. Большого террора, когда была уничтожена большая часть православного духовенства в нашей стране, при чём большинство среди них, как раз, составляли те, кто находился в ведении Московской Патриархии. Достаточно открыть издаваемый ею ныне церковный календарь, чтобы убедиться в этом: на 1937 придёт не менее половины тех, кого в РПЦ-МП почитают новомучениками. Тут можно было бы и энтузиазм некоторой части общества, так или иначе относящей себя к РПЦ-МП, взорвать, и властям пропеть старую песню о «године лихолетия».

Но напрасно прекраснородные представители просвещённой части новоявленной «церковности» удивляются тому, что нынешняя российская молодежь не понимает, как это в российской истории какое-то Бутово может занять такое же место, как в еврейской Аушвиц. Очевидно, что этого не понимают (точнее не желают понять), прежде всего, те, кто должен был этому научить, причём не только молодёжь.

Позвольте, – может воскликнуть иной представитель официальной патриархийной структуры, – а как же совместная майская литургия в Бутове Патриарха Алексия II и митрополита Лавра в память о новомучениках? А как же перенесение туда как раз ко времени 70-летия известной сталинской инициативы поклонного креста с Соловков? Наконец, как же патриаршая визитация в Бутово 30 октября 2007 г. в день памяти жертв политических репрессий в нашей стране?

Если для кого-то эти доводы будут иметь видимость убедительности, то только не для автора этих строк, в своё время познакомившегося изнутри с патриархийной кухней.

В том-то и дело, что первые два из упомянутых мероприятий вовсе не были особо рассчитаны на привлечение российского общественного мнения. Как в недоброй памяти советские времена, когда легальная демонстрация некоей религиозной активности предназначалась, что называется «на экспорт», так и здесь расчёт был сделан на «экспортное исполнение» для зарубежных приверженцев РПЦЗ (Л), которым надо было продемонстрировать «почитание новомучеников», а тем самым и «отказ от сергианства». Причём во втором случае это носило совсем уж неприличный характер. В новостях по НТВ как некий курьёз продемонстрировали путешествие соловоцкого креста, который сопровождал епископ РПЦЗ (Л) Михаил (Донсков). Причём было очевидно, что и для руководства тех епархий, по территории которых он плыл, и для руководства МП (в Москве крест был встречен отнюдь не на «высшем уровне») это мероприятие вовсе не приоритетно. А что до октябрьского посещения Алексием II Бутовского мемориала, то он, и я в этом абсолютно уверен, состоялся только потому, что в этот день имело место его «высочайшее посещение» действующим президентом Российской Федерации, причём не исключено, что патриарший приезд туда также состоялся по инициативе последнего.

В чём же дело? Почему РПЦ-МП не устроило свой «юбилейный год», сулящий при соответствующей пиар-подготовке даже вполне материальные дивиденды?

Думаю, не стоит в связи с этим выстраивать каких-то особых предположений, связанных с текущей российской политикой, тем более конспирологического характера. Всё, как всегда, гораздо проще. Очевидно, что эта тема органически чужда персонажам, вошедшим не самым славным образом в отечественную церковную историю не только своими именами, но и агентурными псевдонимами.

На этом фоне особенно вопиюще выглядит тот факт, что в медийном пространстве РПЦ-МП совершенно незамеченно прошла дата 10 октября (27 сентября), когда исполнилось 70 лет со дня востину мученической кончины Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра. И это на фоне того, что в Арзамасе возводится памятник основателю Московской Патриархии Сергию (Страгородскому), для которого в течение беспримерно мучительных морально и физически для себя без малого двенадцати лет священномученик Петр являл квази-каноническое прикрытие.

Для меня имя и память митрополита Петра имеет особое личное значение, поскольку я был первым, кто в советское время стал говорить о нём публично (пусть и в небольшом пространстве Ленинградских духовных школ).

Для тех, кто не жил в советское время или забыл, скажу, что вплоть до зенита перестройки (т.е. до 1987-1988 гг.) на имена жертв советского террора (с самого 1917 г.) (если не считать сравнительно небольшой их части, «реабилитированной» в хрущёвскую «оттепель») существовало жесточайшее табу, нарушение которого могло стоить больших неприятностей, а в иных случаях (скажем, соответствующих публикаций за границей или распространения их в СССР) и лишения свободы за «клевету». Так что из всех официальных анналов Московской Патриархии, начиная с её выхода в публичное международное и внутреннее пространство во время войны, имя Патриаршего Местоблюстителя было напрочь исключено. Правда, в 1965 г. в магистерской диссертации Иоанна (Снычёва) (тогда ещё архимандрита), посвящённой т. н. «расколам справа» в конце 20-х – 30-е гг., митрополит Петр, естественно, упоминается. Впрочем, о его изоляции там говорится эвфемистично, а о мученическом характере его кончины и её точной дате автору было просто неизвестно, что по тогдашним условиям было неизбежно. Понятное дело, что статья о митрополите Петре была и в «Словаре русских архиереев» аввы архимандрита Иоанна митрополита Куйбышевского Мануила (Лемешевского), где последнему приходилось пользоваться совсем уж эзоповым языком, например «епархией не управлял», когда речь шла о тюрьме и ссылке, или «скончался», даже если речь шла о расстреле. Опять же, и автору «Словаря» неизвестно о мученическом характере кончины митрополита Петра, да и её дата указана (в силу известной дезинформации, о которой ниже будет сказано) совсем неверная, более чем на год ранее реальной.

Однако и эти не слишком квалифицированные и далеко не во всём достоверные труды не были свободно доступны для заинтересованного читателя, оставаясь достоянием двух библиотек – Московской и Ленинградской духовных академий, причём, в первой к ним не было доступа даже у узкого круга их официальных читателей. В ЛДА такой доступ, впрочем, был, в чём сказывалась, в виду парижское издание Регельсона 1977 г., говоря современным языком, политическая воля митрополита Ленинградского Никодима (Ротова) (†1978), сумевшего, видимо, доказать на «самом верху» чекистской иерархии, что знание отечественной церковной истории по столь «проверенным» пособиям для учащихся в духовной школе всё же лучше, чем это же знание, полученное ими из «антисоветской» литературы, которая при всех препонах, тем не менее, проникала в церковную среду, а тем более из живого предания, живших ещё тогда (я говорю о 60-х-70-х гг.) современников, а то и очевидцев событий.

В свою очередь, передо мной в 1982 г. тогдашним ректором ЛДАиС архиепископом Выборгским Кириллом (Гундяевым) была поставлена задача написать кандидатскую диссертацию по русской церковной истории советского периода (начиная с Московского Собора 1917-1918 гг.), с тем, чтобы она потом могла быть переработана в семинарский курс по данному предмету.

Понятно, что написать что-то имеющее научную ценность в тогдашних условиях недоступности не только соответствующих архивов, но и более или менее вменяемой литературы, было практически невозможно. Другое дело, что и тогда в той же академической библиотеке мне были доступны многие материалы Московского Священного Собора, не говоря уже о материалах предсоборных приготовлений и связанной с ними публицистики, начиная с 1905 г., чему я постарался уделить достаточно внимания, полагая, что будущий слушатель-семинарист обязан знать, как в соответствии со священными канонами должна быть устроена Церковь при условиях не только внешней, но, что главнее, наличия в ней внутренней свободы. Также я стремился к тому, чтобы максимально обходиться без белых пятен, из которых, главным образом, тогда состояла официальная версия отечественной церковной истории в XX веке.

Личность и служение митрополита Петра оказались самым большим из них. Сведения о нём у митрополита Мануила я мог черпать вполне легально. Равно как и получить доступ к его личному делу в фонде Святейшего Синода в Центральном государственном историческом архиве. Последнее давало дополнительное представление о Петре Фёдоровиче Полянском, до 1918 г. занимавшем должность члена Учебного комитета при Святейшем Правительствующем Синоде и имевшем чин статского советника.

Что касается его последующей судьбы, то приходилось открыто полагаться на мануиловский словарь, а имплицитно на материалы из собрания М. Е. Губонина, приводимые в «Трагедии Русской Церкви (1917-1944)» Львом Регельсоном. Пос-

ей. На лекции рассказывал о нём больше, чем предусматривал конспект. Это второй факт, позволяющий мне теперь не стыдиться своего прошлого под советским режимом.

Почему имя священномученика митрополита Петра было табуировано миродержителями тьмы на одной шестой части суши и их патриархальной агентурой понятно из того факта, что СССР был воистину «империей зла», при том, что последнее, прежде всего, выступало в модусе лжи. Но почему теперь, когда в церковном календаре Московской Патриархии он значится в сонме новомучеников, юбилейная дата его кончины не вызывает к себе интереса официальных кругов РПЦ-МП? Дело здесь, думаю, не только в окамененном нечувствии. Очевидно, есть и некоторое подспудное соображение. Для созданной митрополитом Сергием структуры, прямым продолжением которой является нынешняя РПЦ-МП, Патриарший Местоблюститель хоть официально (в трудах того же протоиерея В. Цыпина) и остаётся источником её квази-легитимности, однако при этом оказывается довольно неудобной фигурой. Так же как он был ею и для самого основателя Московской Патриархии. А дело всё в том, что, как церковным ревнителям 30-х гг. были известны, так и теперь, благодаря публикаторской активности в либеральные 90-е, стали доступны его письма от декабря 1929 и более известное, благодаря публикации Регельсона, от 26 февраля 1930 г., фактически дезавуирующие центральное церковное управление, созданное митрополитом Сергием без согласия на то Патриаршего Местоблюстителя на тех условиях, которые были для митрополита Петра принципиально неприемлемыми, что, собственно, обрекло его на нечеловеческие мучения на старости в течение, как теперь мы

знаем, долгих почти двенадцати последних лет его жизни.

Патриарший Местоблюститель, митрополит Крутицкий Петр (Полянский), несомненно, самая трагическая фигура российской церковной истории в истекшем XX веке. Трагичность её связана, прежде всего, с той роковой ошибкой, которую он совершил, составив 6 декабря (23 ноября) 1925 г. свой распоряжение, на случай печальных для себя обстоятельств, неверно названное М. Е. Губониным «завещательным». Ошибка эта была, прежде всего, формальной, иначе говоря, она шла вразрез с той канонической формой передачи церковной власти, которая была установлена Высшим Церковным Управлением в 1920 г. с учётом чрезвычайных для Православной Российской Церкви условий её бытия. По катастрофическим для Церкви последствием она, пожалуй, даже превосходит такую же роковую ошибку, допущенную в феврале 1922 г. Патриархом Тихоном, выступившим, как вскоре оказалось, ничтожное в каноническом отношении послание по случаю изъятия церковных ценностей «в пользу голодающих в Поволжье», давшее большевистскому режиму беспроектный козырь в его сокрушительной атаке на церковную структуру. Что же касается митрополита Петра, то совершив свою ошибку, он до последнего своего издыхания, испытывая неимоверные физические и духовные муки, оставался её заложником. Тем не менее, его образ в церковной истории остался светел, поскольку он не только стремился при всей, как оказалось, практической невозможности её исправить, но, что самое главное, оставил важнейшее свидетельство всей неканоничности того уродства в лице пресловутой Московской Патриархии, что было учинено его «Заместителем», которое продолжает издавать свой трупный в духовном отношении смрад даже до днесь.

Чтобы на этом закончить о личном, укажу только два факта, относящихся к моей биографии в связи с фигурой митрополита Петра. Первый, не в последнюю очередь, был связан с тем, что Патриаршему Местоблюстителю был посвящён особый раздел в моей диссертации. Более того, на него как на источник церковной легитимности его Заместителя там особо указывалось, равно как и на печальную судьбу митрополита Петра, связанную с его изоляцией. Это, не в последнюю очередь, привело в 1983 г. в бешенство тогдашнего полномочного Совета по делам религий по Ленинграду и области Г. С. Жаринова, который, брызгая слюной, кричал архиепископу Кириллу: «Это писал не советский человек». Скажу честно, данная фраза - до сих пор самый дорогой для меня комплимент, из тех, что я получал когда-либо. Что же до самой диссертации, то в библиотеке ЛДА она тогда так и не появилась, оставаясь «на прочтении» у митрополита Ленинградского Антония (Мельникова) (†1986). Другое дело, что в том курсе истории Русской церкви в XX веке, который я читал четвертым классом в ЛДС в 1983-1987 гг., я упоминал имя митрополита Петра, останавливаясь на его личности и исторической роли. Правда, в составленном мной учебном конспекте и, соответственно, в экзаменационной программе особой темы, связанной с ним, быть не могло. Но о нём давались краткие биографические сведения, а главное, отмечалась его противостояние обновленцам в 1925 г. и передача полномочий Заместителю в связи с изоляци-

ей. На лекции рассказывал о нём больше, чем предусматривал конспект. Это второй факт, позволяющий мне теперь не стыдиться своего прошлого под советским режимом.

Почему имя священномученика митрополита Петра было табуировано миродержителями тьмы на одной шестой части суши и их патриархальной агентурой понятно из того факта, что СССР был воистину «империей зла», при том, что последнее, прежде всего, выступало в модусе лжи. Но почему теперь, когда в церковном календаре Московской Патриархии он значится в сонме новомучеников, юбилейная дата его кончины не вызывает к себе интереса официальных кругов РПЦ-МП? Дело здесь, думаю, не только в окамененном нечувствии. Очевидно, есть и некоторое подспудное соображение. Для созданной митрополитом Сергием структуры, прямым продолжением которой является нынешняя РПЦ-МП, Патриарший Местоблюститель хоть официально (в трудах того же протоиерея В. Цыпина) и остаётся источником её квази-легитимности, однако при этом оказывается довольно неудобной фигурой. Так же как он был ею и для самого основателя Московской Патриархии. А дело всё в том, что, как церковным ревнителям 30-х гг. были известны, так и теперь, благодаря публикаторской активности в либеральные 90-е, стали доступны его письма от декабря 1929 и более известное, благодаря публикации Регельсона, от 26 февраля 1930 г., фактически дезавуирующие центральное церковное управление, созданное митрополитом Сергием без согласия на то Патриаршего Местоблюстителя на тех условиях, которые были для митрополита Петра принципиально неприемлемыми, что, собственно, обрекло его на нечеловеческие мучения на старости в течение, как теперь мы

знаем, долгих почти двенадцати последних лет его жизни.

Патриарший Местоблюститель, митрополит Крутицкий Петр (Полянский), несомненно, самая трагическая фигура российской церковной истории в истекшем XX веке. Трагичность её связана, прежде всего, с той роковой ошибкой, которую он совершил, составив 6 декабря (23 ноября) 1925 г. свой распоряжение, на случай печальных для себя обстоятельств, неверно названное М. Е. Губониным «завещательным». Ошибка эта была, прежде всего, формальной, иначе говоря, она шла вразрез с той канонической формой передачи церковной власти, которая была установлена Высшим Церковным Управлением в 1920 г. с учётом чрезвычайных для Православной Российской Церкви условий её бытия. По катастрофическим для Церкви последствием она, пожалуй, даже превосходит такую же роковую ошибку, допущенную в феврале 1922 г. Патриархом Тихоном, выступившим, как вскоре оказалось, ничтожное в каноническом отношении послание по случаю изъятия церковных ценностей «в пользу голодающих в Поволжье», давшее большевистскому режиму беспроектный козырь в его сокрушительной атаке на церковную структуру. Что же касается митрополита Петра, то совершив свою ошибку, он до последнего своего издыхания, испытывая неимоверные физические и духовные муки, оставался её заложником. Тем не менее, его образ в церковной истории остался светел, поскольку он не только стремился при всей, как оказалось, практической невозможности её исправить, но, что самое главное, оставил важнейшее свидетельство всей неканоничности того уродства в лице пресловутой Московской Патриархии, что было учинено его «Заместителем», которое продолжает издавать свой трупный в духовном отношении смрад даже до днесь.

Ввиду необходимой краткости настоящих заметок, я не стану здесь излагать жизнеописание митрополита Петра. Но что я считаю совершенно необходимым, так это в связи с его дорогим для меня именем, во-первых, расставить некоторые акценты, связанные, собственно, с его личностью и его биографией; во-вторых, дезавуировать одну прочно вошедшую в церковное сознание мифологию, в основе которой лежит банальный блеф; в-третьих, уже в который раз объяснить, в чём была его роковая ошибка; и, наконец, в-четвёртых, вслед за проницательными (и, к сожалению, анонимными) исследователями из Москвы и Киева (см.: <http://rpsc.rusorthodoxy.net/>)

Конференция “Крестный путь продолжается...”

index.htm), и кое в чём в дополнение к ним, следите те круги советско-чекистского ада, через которые пришлось пройти Патриаршему Местоблюстителю.

Судьба митрополита Петра уникальна в том отношении, что в епископский сан он был возведён практически сразу из чтецов (кое звание он имел ещё как выпускник семинарии). Родившись в семье сельского священника и пройдя все ступени духовного образования (последней явилась степень магистра богословия, присуждённая ему в 1897 г. в Московской духовной академии, выпускником которой он являлся), он, как не имеющий склонности к семейной жизни, ещё на академической скамье мог бы вступить в ряды учёного монашества, что с весьма большой вероятностью привело бы его к епископству ещё задолго до революции. Тем не менее, следует, как весьма положительную, отметить ту черту его личности, что, имея склонности к иноческому житию, он не прельстился в своё время карьерными перспективами. Другое дело, что трудясь на ниве духовного образования, он в силу своих административных способностей всё же успешно продвинулся как чиновник по Ведомству православного исповедания, будучи к 1917 г. в генеральском чине статского советника.

В свою очередь, его положительный отклик на призыв к епископскому служению в качестве викария Патриарха Тихона, прозвучавший в 1920 г., характеризует его как человека, готового к жертве ради Церкви Христовой. Будучи с 1919 г. (как это следует из его анкеты, заполненной в 1924 г.), заведующим приютом для дефективных детей, он имел шанс уцелеть в условиях советской действительности. Но епископское служение в них, безусловно, обрекало его на страдания. Церковные историки мало обращали внимание на обстоятельства этого призвания, если только не считать одного живучего мифа, о котором я скажу ниже. Между тем, очевидно, что решающая роль здесь принадлежала митрополиту Владимирскому и Шуйскому Сергию (Страгородскому), в то время influentialному члену Священного Синода (по избранию на Священном Соборе 1917-1918 гг.). Последний несколько лет (с 1906 г.) был председателем Учебного комитета при Священном Синоде, когда Пётр Фёдорович Полянский был его непосредственным подчинённым. Очевидно, тогда и произошло их сближение. Так что, будучи в 1920 г. в Москве (он жил у своего брата о. Василия Полянского, служившего в московской церкви Николы-на-Столпах), он оказался в поле зрения как митрополита Сергия, так и Патриарха Тихона, когда в почти уже пенсионном возрасте 58-ми лет (он был 1862 года рождения и, соответственно, Патриарха Тихона (1865 г.р.) и митрополита Сергия (1867 г.р.)) ему пришлось круто изменить течение своей жизни.

Теперь несколько слов о благочестивом мифе, в основе которого, в лучшем случае, заблуждение, а в худшем злочестивый блеф, распространявшийся митрополитом Сергием уже в качестве создателя Московской Патриархии.

Миф сводится к тому, что, дескать, Патриарх Тихон, когда Священный Собор, с учётом чрезвычайных для Церкви обстоятельств, принял в январе 1918 г. «секретное» постановление о чрезвычайном местоблюстителстве Патриаршего Престола, якобы устанавливающего порядок передачи патриарших прав и обязанностей путём завещательных распоряжений, уже тогда указал как одного из возможных (в числе троих) кандидатов на должность Патриаршего Местоблюстителителя ещё мирянина (точнее, чтеца) П. Ф. Полянского, которого знал и высоко ценил. Эту мифологию, в частности, воспроизводит в своей книге Л. Л. Регельсон.

Может, Патриарх Тихон и вправду хорошо знал П. Ф. Полянского по прежней его работе по Ведомству православного исповедания. Но, в любом случае, он никак не мог указать его в числе кандидатов на чрезвычайное местоблюстителство. Однако, прежде чем объяснить почему, нужно разобраться с тем блефом, который связан с якобы «секретным» постановлением Собора.

Увы, но российская церковная общечеловечность в Отечестве и за рубежом не вчиталась в своё время в это отнюдь не секретное постановление, принятое без обсуждений как резолюцию по докладу князя Е. Н. Трубецкого (он был одним из заместителей председателя Собора) на пленарном заседании 2-й соборной сессии, имевшем место 25 января (7 февраля) 1918 года. Доклад этот вместе с резолюцией имеется как в Деяниях Собора (кн. 6, с. 74), так и в качестве соборного документа в ещё не закрытых тогда официальных «Церковных ведомостях» (1918, № 3-4, с. 160). Суть его сводится к тому, что пока не принято

соборное определение «О Местоблюстителе Патриаршего Престола» (оно было принято на пленарном заседании 3-й соборной сессии 13/26 июля 1918 г.), Священный Собор поручает Святейшему Патриарху на случай непредвиденных для него печальных обстоятельств назначить троих кандидатов для несения ими в порядке очередности обязанностей его Местоблюстителей вплоть до нормализации положения (освобождения Патриарха в случае его изоляции или избрания Собором нового Патриарха в случае смерти по той или иной причине Святейшего Тихона). Секретным в этом деле были только имена кандидатов на чрезвычайное местоблюстителство, каковыми так и остались тайной для истории. Но, в любом случае, действие этого, приборной резолюции распоряжения Патриарха Тихона, простиралось исключительно до указанной выше даты 26 июля 1918 г. и никакого нового порядка передачи патриарших прав и обязанностей не устанавливало. Другое дело, что и вступле-

ние в должность Патриаршего Местоблюстителителя митрополита Крутицкого Петра (12 апреля 1925 г.) и затем объявление о вступлении в права Местоблюстителителя Патриаршего Местоблюстителителя митрополитом Нижегородским Сергием (14 декабря 1925 г.) воспринималось церковным сознанием как реализация того порядка передачи церковной власти, который якобы был установлен на Соборе 1918 году. Этим-то, и воспользовался потом митрополит Сергей (кстати, прекрасно знавший что к чему), уже возведя ошибочное представление в канонический блеф, который он затем всячески пропагандировал на страницах издаваемого им «Журнала Московской Патриархии», где писал глгоду.

О том, что лежало в канонической основе местоблюстителства митрополита Петра (и, кстати, что ни в коей мере не представляло такой основы для заместительства митрополита Сергия), я скажу чуть ниже, а пока обращусь к некоторым деталям биографии Преосвященного Петра после его хиротонии в епископа Подольского, викария Московской епархии, которая имела место 8 октября (25 сентября) 1920 года. Кстати, его епископской хиротонии, понятное дело предшествовало пострижение в монашество и возведения в диаконскую и пресвитерскую степени священства. Всё это было совершено митрополитом Сергием, как это следует из знаменитого письма ему от 26 февраля 1930 г. находившегося тогда в далёкой ссылке Патриаршего Местоблюстителителя.

Интересно проследить перипетии, связанные с фигурами этих двух иерархов - митрополитов Петра и Сергия в переломные для Российской Церкви 1920-1925 гг.

Итак, Преосвященный Петр, епископ Подольский, как это следует из всех опубликованных его биографий, вскоре после своей архиерейской хиротонии (очевидно, речь должна идти о конце октября - начале ноября 1920 г.) был арестован и выслан в г. Великий Устюг, что на востоке Вологодской губернии. В Москву он сможет вернуться лишь в ноябре 1923 г., о чём будет сказано особо, поскольку обстоятельства этого возвращения, очевидно, были не случайными. Таким образом, переломные для Российской Церкви события 1922 г. застали его вне Москвы. К сожалению,

нам мало что известно о том, как протекала трёхлетняя ссылка епископа Петра. Другое дело, что скромно ещё введённые в научный оборот исторические документы, тем не менее, наглядно свидетельствуют о ситуации в российской глубинке в связи с «триумфом» эмиссаров самочинного «обновленческого» Высшего Церковного Управления, либо манипулировавших боязливым консервативным духовенством, либо находивших горячий отклик у прежде забитого, а порой и бедствовавшего (если оно было сельским) духовенства. Вологодскую епархию всё это не обошло стороной. Так что епископ Петр не был в неведомой относительно степени церковной разрухи, дочке которой и было тогда главной целью большевистского руководства страны.

В свою очередь, митрополит Владимирский и Шуйский Сергей (Страгородский), как уже отмечалось, состоял в 1920 г. членом Священного Синода, когда Высшее Церковное Управление (Совместное Присутствие Священного Синода и Высшего Церковного Совета под председательством Святейшего Патриарха) 8/20 ноября того же года принимает свое знаменитое Постановление № 362, которым, как раз, и устанавливается порядок управления в Православной Российской Церкви при чрезвычайных для неё обстоятельствах.

Именно первый пункт этого Постановления и устанавливал порядок передачи высшей церковной власти в чрезвычайных условиях невозможности созыва Поместного Собора. Он гласил: «В случае, если Священный Синод и Высший Церковный Совет по каким-либо причинам прекратят свою церковно-административную деятельность, Епархиальный Архиерей за руководственными по службе указаниями и за разрешением дел, по правилам, восходящим к Высшему Церковному Управлению, обращается непосредственно к Святейшему Патриарху или к другому лицу или учреждению, какое будет Святейшим Патриархом для этого указано». В

свою очередь пп. 2-9 Постановления № 362 определяли уже порядок церковного управления в случае как ликвидации законного ВЦУ, так и невозможности Патриарху Тихону, либо назначенному им «лицу или учреждению» осуществлять высшую церковную власть. Иными словами речь шла о самоуправлении епархий. И, как раз, реализация данного положения Заместителем Патриарха митрополитом Ярославским Агафангелом смикшировала в 1922-1923 гг. «триумф» самозванного «обновленческого» ВЦУ, но об этом скажем ниже, уже в связи с известной линией митрополита Сергия в те лихие для Российской Церкви годы.

В январе 1921 г. он арестован, четыре месяца сидит в Бутырской тюрьме, затем выслан в Нижний Новгород.

Здесь его застаёт невиданная (на фоне былых советских антирелигиозных акций) антицерковная компания февраля-марта 1922 г., развязанная большевиками под предлогом изъятия церковных ценностей «в пользу голодающих Поволжья». Подготовка к ней, в том числе путём вербовки чекистской агентуры в церковной среде (именно она затем вскоре выступит против Патриарха Тихона под знаменем «церковного обновления»), началась, по-видимому, ещё в январе 1922 г., тогда как поводом к ней стало Постановление Президиума ВЦИК от 16 февраля, оформившееся в декрет от 23 февраля (опубликован в «Известиях» 26 февраля), которым предписывалось изымать из церквей все предметы из драгоценных металлов, что подразумевало и евхаристические сосуда. Реакция Святейшего Тихона на этот, несомненно, явно враждебный по отношению к Церкви выпад, увы, оказалась неудачной. Употреблённое в его послании от 15/28 февраля выражение «акт святотатства» был тут же истолкован советской пропагандой и карательными органами как призыв к антиправительственным выступлениям, а ссылка на каноны (73-е Апостольское правило и 10-е правило Двукратного Собора) оказалась просто несостоятельной, поскольку они предполагают санкции лишь в отношении клириков, использующих священные сосуда в своём домашнем употреблении.

Единственный в России опыт реального народного сопротивления изъятию церковных ценностей имел место 13-15 марта 1922 г., как раз, в городе Шуе, входившим тогда во Владимирскую епархию (название этого промышленного города значилось в титуле митрополита Сергия). Собственно, шуйский инцидент, когда рабочие встали на защиту своих святынь, в сознании того, что ни на каких голодающих, полученное таким образом золото и серебро не пойдёт, и побудила

Конференция «Крестный путь продолжается...»

Ленину дать отмашку к развязыванию ещё более «бешеной» антицерковной компании, о чём он писал членам Политбюро в циркулярном письме от 19 марта.

Данное обстоятельство побуждает митрополита Сергия обратиться к духовенству и пастве Владимирской епархии с особым воззванием, датированным 8/22 марта, в котором он призывает их искать компромисса с властями и, в частности, пытаться выкупать священные сосуды, внося их стоимость собранными с прихожан золотыми и серебряными предметами (такую возможность предусматривало новое постановление Президиума ВЦИК от 13 марта).

Здесь следует обратить внимание на одно важное обстоятельство для отечественной церковной истории. Именно в это время в качестве ведущего игрока на «церковном фронте» выдвигается советская тайная политическая полиция – ОГПУ в лице своего 6-го отделения Секретного отдела. И как раз в это время заместителем начальника этого отделения (с 5 мая 1922 г. он уже будет его начальником) становится Евгений Александрович Тучков (1892-1957). Он, как никто другой, подошёл для выполнения поставленной тогда высшим советским руководством задачи: не только развал канонической структуры Православной Российской Церкви, но и внутренняя дезинтеграция её епископата и духовенства, позволяющая иметь их бо-гоборческой власти в качестве безвольных марионеток. Забегая вперёд, скажем, что эта задача была им блестяще исполнена, как раз, созданием в 1927 г. Московской Патриархии, с последствиями чего мы сталкиваемся до сих пор, имея это уродливое противоканоническое явление, в котором после 1991 г. былую роль кукловодов-чекистов с успехом переняла их проверенная агентура в лице коррумпированного епископата во главе с «митрополитбюро» в лице Патриарха и Синода централизованной религиозной организации «Русская Православная Церковь – Московский Патриархат».

Но вернёмся к воззванию митрополита Сергия. Любопытно, что оно было отпечатано массовым тиражом в государственной типографии, что, несомненно, свидетельствует о санкционировании его властью, с которой Сергей, видимо, тогда искал контакт (хотя, скорее, ОГПУ в лице Тучкова уже нашло его с ним) в качестве потенциального возглавителя высшего управления Российской Церковью, в случае его радикальной смены ввиду репрессий, развязанных против его представителей. Несколько экземпляров отмеченного воззвания были обнаружены мной ещё в 1977 г. в доставшемся мне после кончины архиепископа б. Казанского Михаила (Воскресенского) архиве его отца (он был из вдовых священников) архиепископа Дамиана (Воскресенского) (†1937), бывшего в 1922 г. епископом Переяславским, викарием Владимирской епархии. Указанный архив был мной передан в 1988 г. в Синодальную библиотеку Московского Патриархата.

Дальнейшая жизнь митрополита Сергия, пока в 1924 г. он вновь смог встретиться с Преосвященным Петром, к тому времени уже митрополитом Крутицким, известна гораздо лучше. Собственно, в ней имеют значение три вехи.

Первая – это пресловутый меморандум трёх от 3/16 июня 1922 г., который явился прямым актом церковного раскола, направленным против действующего законного председателя Православной Российской Церкви, каковым тогда был, в соответствии с п. 1 Постановления № 362, Заместитель Патриарха митрополит Ярославский Агафангел, назначенный на эту должность Святейшим Тихоном 3/16 мая ввиду привлечения последнего к гражданскому суду и взятием под стражу. В силу краткости сего меморандума привожу его целиком: «Мы, Сергей, Митрополит Владимирский и Шуйский, Евдоким, архиепископ Нижегородский и Арзамасский, и Серафим, архиепископ Костромской и Галичский, рассмотрев платформу Высшего Церковного Управления и каноническую законность Управления, заявляем, что целиком разделяем мероприятия Высшего Церковного Управления, считаем его единственной, канонически законной, верховной церковной властью и все распоряжения, исходящие от него, считаем вполне законными и обязательными. Мы призываем последовать нашему примеру всех истинных пастырей и верующих сынов Церкви, как вверенных нам, так и других епархий». Речь здесь идёт, понятно, о самочинном ВЦУ, организованном прямыми агентами ОГПУ из числа т.н. обновленцев. Данный меморандум был широко растиражирован, внеся немалый соблазн в церковном обществе и усилив малодушие и без того бо-

язливого клира. Понятно, что Сергей и его сообщники пошли на подписание сего «меморандума», имея недвусмысленное заверение Тучкова в том, что митрополит Агафангел ни в коем случае не воспримет высшую власть в Российской Церкви.

Однако Тучков, взявший на себя роль главного кукловода в театре церковных марионеток, здесь впервые крупно просчитался. 5/18 июня выходит отпечатанное подпольно и получившее вскоре широкое распространение послание к Церкви митрополита Агафангела, выпущенное им в качестве Заместителя Патриарха, т. е. единственного на тот момент носителя законной высшей церковной власти в нашей стране. Сознывая, что реализовать эту власть ему не дадут, а сам он вскоре будет изолирован (что и произошло), он вводит в действие положения пп. 2-9 Постановления № 362, что практически в данной ситуации означало самоуправление епархий, равно как и разрыв общения с «непослушными», каковыми, как раз, и явились похитившие церковную власть «обновленцы». Таким образом, те, кто тогда сохранил верность каноническим устоям Церкви, получили чёткое и ясное основание, чтобы не признавать бесчинное «ВЦУ», чем заметно ослабили триумфальное шествие «церковной революции», когда группировка белого духовенства «Жи-

вая Церковь» во главе с петроградским священником (вскоре он будет именоваться «протопресвитером») Владимиром Красницким буквально терроризировала епископат и клир на местах, в открытую выступая в качестве агента советской власти и её карательного органа.

Впрочем, как известно, «обновленческое» ВЦУ раздиралось внутренними противоречиями (что изначально и задумывалось на Лубянке). Да и роль «ЖЦ», претендовавшей на то, чтобы реально рулить, да ещё прикрываясь мандатом власти, Тучкову стала не нравиться. Вот поэтому и, сговорившись (безусловно, не без консультации с Тучковым), со своим бывшим другом и собутыльником Антоном (Грановским), номинально стоявшим во главе «ВЦУ», митрополит Сергей выступает 23 октября 1922 г., теперь уже единолично, с новым меморандумом, где выражает «решительный протест» против тех постановлений съезда «ЖЦ», «которые приняты в отмену основных требований церковной дисциплины, а тем более вероучения». Обратим внимание, Сергей не раскаивается в своём участии в церковном расколе и не порицает его как таковой, а лишь «протестует» против таких нововведений как женатый епископат, да против снятия отлучения с Льва Толстого. Иначе говоря, он резервирует за собой роль охранителя церковных устоев на предстоящий случай (вероятно, он ему был обещан Тучковым) схождения на нет «революционной» пены живоцерковничества, когда на церковную авансцену ОГПУ опять выпустит привычную для российского обывателя структуру, лишённую уже обрядовых нововведений и надоевшей агитационной трескотни. Любопытно, что если первый меморандум был опубликован в журнале «Живая Церковь» (1922, № 4-5 1/14 июля), то второй увидел свет в журнале «Наука и религия» (1922, № 19, 2 ноября), очевидно, переданный туда для публикации не автором, а именно Тучковым. Это была вторая веха в жизни митрополита Сергия во время его пребывания в «обновленческом» расколе.

А третья была уже связана с его отходом от «обновленцев», вероятно, также согласованного с Тучковым. Хотя всю зиму и весну 1923 г., о чём свидетельствует ныне опубликованное

«Следственное дело Патриарха Тихона» (М.: ПСТБИ, 2000), готовился процесс над ним, складывается впечатление, что доводить дело до конца творцы тогдашней советской религиозной политики не собирались. Очевидно, что «следственные действия» имели целью сломить волю Патриарха как самостоятельной церковно-канонической единицы, чему также должно было содействовать бесчинное «лишение» его священного сана и монашества на тщательно подобранном «Втором Поместном Соборе», проведённом «обновленцами» воистину большевистскими темпами 29 апреля-9 мая 1923 года. Митрополита Сергия на нём, понятно, не было. Впрочем, зарезервированная им ранее роль «охранителя церковных устоев» оказалась востребована не сразу после освобождения 28 июня 1923 г. из-под стражи по решению Верховного Суда РСФСР Святейшего Тихона, а позднее, по-видимому, когда это стало нужным Тучкову. Считается, что Сергей окончательно порвал с «обновленческим» ВЦУ, получившим теперь название «Священного Синода» 27 августа 1923 года. Однако его покаяние перед Патриархом происходит в Москве уже 5/18 марта 1924 года. Тогда же он и назначается Святейшим Тихоном на Нижегородскую кафедру, вместо оставшегося в расколе Евдокима (Мещерского). Отныне он уже до конца своих дней остаётся на переднем плане церковной политики, что, понятно, было бы не возможно без заинтересованности Тучкова и последующих советских кукловодов.

Но вернёмся к Преосвященному Петру. Его новое появление в Москве относится к августу 1923 года. В это самое время Тучков стал разыгрывать операцию по удалению Патриарха Тихона через примирение «традиционалистов» из «обновленческого» Синода, возглавлявшегося тогда Евдокимом, и тихоновского епископата. В этом случае власть разрешила бы собрать общий Поместный Собор, на котором, по мысли Тучкова, Патриарх Тихон заявит об уходе на покой, после чего будут сформированы уже подконтрольные ОГПУ органы Высшего Церковного Управления. Понятно, все карты перед Патриархом Тучков не раскрывал, потому тот и согласился на переговоры, поставив главным переговорщиком со своей стороны архиепископа Илариона (Троицкого), бывшего в то время его правой рукой. Судя по всему, архи-

епископ Иларион готов был проводить линию на «общий Собор», однако не преуспел в том, чтобы склонить к этому Патриарха, который, во-первых, опирался на церковно-общественное мнение, всячески его поддерживавшее и не мыслившее его добровольного ухода, а, во-вторых, убедился в слабости обновленцев как самостоятельной церковной силы. В результате в октябре архиепископ Иларион был арестован и более уже никогда (†1929) не возвращался к церковной деятельности. Что же касается Преосвященного Петра (с 1923 г. архиепископа, а с 1924 г. митрополита Крутицкого), то его ОГПУ также намеревалось снова выслать из Москвы. Однако по ходатайству Патриарха он был оставлен в столице. Видимо, Тучков связывал с ним какие-то свои планы. Впрочем, как свидетельствует дальнейшая история, этим планам не довелось свершиться. Не в этом ли одна из причин той воистину садистской жестокости, с какой в дальнейшем была учинена над ним расправа уже как с Патриаршим Местоблюстителем?

В первой половине 1924 г. Тучков взялся за осуществление нового плана «легализации» патриаршего управления, под которой понималась его полное подчинение ОГПУ. На этот раз предполагалось, что подготовкой будущего Поместного Собора будут заниматься созданные путём приглашения от Патриарха Священный Синод и Высший Церковный Совет. При этом из намеченных по согласованию с Тучковым по крайней мере двое (в то время) из 12-ти членов будущего Синода были, что называется, крепко насажены на чекистский крюк, а именно Сергей (Старгородский) и Серафим (Александров). С членами ВЦС всё обстояло куда понятнее и проще, при том, что ситуация виделась современникам совсем уж inferнальной – 6 человек, т. е. их половина, были выходцами из «ЖЦ» во главе с Красницким. Обработка Патриарха Тучковым и Красницким началась ещё в марте. Тогда же в Москву заявляется с «покаянием» и митрополит Сергей. Тучков не скупится на посулы, вплоть до освобождения всех томящихся в тюрьмах и ссылках архиереев, сохранивших верность Патриарху. Начиная с мая, Красницкий уже делает широковещательные заявления в советской прессе. Но

именно дошедший до Святейшего Тихона голос ссыльных епископов, донесённый митрополитом Казанским Кириллом (Смирновым), останавливает его от рокового шага, так что в июле данный план оказывается похороненным, а уже осенью выясняется, что окончательно.

Последние полгода жизни Патриарха Тихона Тучков ведёт себя с ним, используя классический метод кнута и пряника. То в ноябре 1924 г. ведёт переговоры о проведении в Москве архиерейского совещания, а в феврале 1925 г. готовит ему официальный ответ об «отсутствии препятствий» к деятельности при нём Священного Синода из семи приглашённых иерархов – в том числе митрополитов Сергия, Серафима и Петра, то уже в марте 1925 г. стряпает новое постановление о привлечении Патриарха к уголовной ответственности. И всё это имеет целью выжать из Святейшего Тихона согласие на чекистские условия «легализации» патриаршего церковного управления.

Среди условий этой легализации было и издание Патриархом особой декларации, в которой более решительно, чем до сих пор, он должен был выразить свою лояльность советской власти и доказать разрыв с внутренней и внешней «контрреволюцией», причём в последнем случае особый акцент следовало сделать на деятелях российского церковного зарубежья. С января 1925 г. Святейший Тихон находился в стационаре лечебницы Бакунина – последней частной клиники Москвы, куда он лёг вследствие сильной стенокардии (грудной жабы) и почечной недостаточности. Таким образом, основное бремя переговоров с Тучковым теперь легло на митрополита Петра, ставшего в это время ближайшим сотрудником Патриарха. Именно ему пришлось заниматься разработкой патриаршей декларации, которая могла бы совместить требования Тучкова и пожелания Патриарха. Текст её Святейший Тихон подписал 25 марта/7 апреля (по крайней мере, такая на ней стоит дата), т. е. в день своей кончины, почему в историю она вошла как его «завещание», хотя ничего предсмертного, а тем более завещательного в ней нет. Собственно, и вопрос о характере смерти 59-летнего Патриарха Тихона остаётся открытым. Его заболевания явно не носили смертельного характера. Тогда как Тучкову и его командованию она оказалась как нельзя кстати. Да и дежуривший тогда при Святейшем Тихоне практически неотлучно его келейник Константин Пашкевич, как об этом в 30-е гг. признавалась его вдова, был агентом ОГПУ. И Тучков, никем специально не извещённый, появился в лечебнице буквально меньше чем через час после смерти Патриарха. В общем, налицо достаточно совпадений, чтобы не считать безоговорочно кончину Святейшего Тихона естественной.

Впрочем, перед Тучковым и теми, кто за ним стоял, в любом случае, при этом вставала ещё одна проблема, а именно преемства власти почившего первосвященника.

В соответствии с п. 1 Постановления № 362 Патриарх Тихон в 1923 и в 1925 г. составил два завещательных распоряжения на случай своей кончины. Благодаря публикации «Архивов Кремля» (М.: РОССПЭН, 1998, кн. 2, с. 257) теперь известно содержание первого из них от 23 ноября 1923 г., где он на случай своей смерти «до избрания Патриарха канонически и свободно созданным Собором Православной Российской Церкви» назначил своим заместителем митрополита Ярославского Агафангела, а в случае его отказа или устранения – митрополита Казанского Кирилла. Содержание второго от 25 декабря 1924 г./7 января 1925 г. стало известно сразу после кончины Святейшего Тихона. В нём передача патриарших прав и обязанностей «до законного выбора нового Патриарха» передаётся митрополиту Кириллу, а в случае невозможности им их воспринять – митрополиту Агафангелу, наконец, при невозможности их восприятия вторым – митрополиту Петру. Поскольку Преосвящённый Петр к моменту кончины Патриарха был единственным из указанных кандидатов, кто находился на свободе и проживал в Москве, то он и стал Патриаршим Местоблюстителем. Именно так он сам стал именовать свою должность, при том, что акт о его вступлении в неё был подписан 60-ми иерархами, которые 12 апреля 1925 г. смогли принять участие в погребении Святейшего Тихона в московском Донском монастыре.

Восемь месяцев находился митрополит Петр у кормила церковного, показав образец стояния в верности каноническому строю Российской Церкви. Понятно, что Тучкову и уже в то время просматривающемуся за ним генеральному секретарю ЦК ВКП(б) Сталину такой предстоятель был не к чему. Смеем думать, что вопрос об удалении митрополита Петра от дел был решён с самого начала его местоблюстительства. При этом Тучковым была предпринята следующая тактика. Всё

пропагандистское обеспечение соответствующей спецоперации было возложено на воспрянувших было «обновленцев». Последние сразу по кончине Патриарха Тихона выступили с инициативой объединительного Поместного Собора. Интересно, что кое-кто из агентуры ОГПУ в рядах тихоновцев эту инициативу поддержал. Так ректор Богословского института и настоятель Никольского собора в Ленинграде протоиерей Николай Чуков (будущий митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий, †1955) полагал, что при отказе «обновленцев» от таких новшеств как женатый епископат альянс с ними возможен. Однако такое суждение явно не находило поддержки в церковном обществе, да и вес «обновленческих» структур в сравнении с патриаршей, как её тогда называли, Церковью был далеко не тот, чтобы серьёзно рассматривать этот проект. Другое дело, что «обновленцы», создавшие свой «Собор» в октябре, блестяще справились с задачей выдвижения политических обвинений против Патриаршего Местоблюстителя, не побрезговав заведомой клеветой. Это был едва ли не второй опыт такого рода (после процессов церковников 1922-1923 гг.), когда советская власть использовала откровенную ложь как средство публичного шельмования ради повода к репрессированию неугодных.

Однако Тучков, несомненно, понимал, что кроме трескотни от «обновленцев» ничего другого получить не удастся. Поэтому уже с мая 1925 г. он стал готовить «тихоновскую» альтернативу Патриаршему Местоблюстителю в лице тщательно подбираемой им группы «староцерковных» епископов, для чего воспользовался услугой весьма энергичного, можно сказать, харизматичного, хотя и психически неустойчивого (в московских церковных кругах он имел репутацию кокаиниста) московского vicария епископа Можайского Бориса (Рукина). Так что к моменту ареста митрополита Петра в декабре 1925 г. уже был готов псевдо-канонический орган, взятый для себя нелепое название «Временный Высший Церковный Совет» в составе 10-ти иерархов, во главе которого был поставлен архиепископ Екатеринбургский Григорий (Яцковский), очевидно, согласившийся на чекистские условия «легализации», почему данный «Совет» тут же в изъятие из действующих узаконений получил государственную регистрацию. Любопытно, что григорьевцы, как стали теперь именовать этих раскольников, в своих притязаниях стали апеллировать к Постановлению № 362, хотя последнее им ничего не давало, поскольку предполагало в случае ликвидации центральной церковной власти лишь объединение соседних епархий в митрополичьи округа, а вовсе не создание случайно подобранными епископами центрального органа церковного управления.

Впрочем, нельзя сказать, что Тучков не искал подходов к самому митрополиту Петру, чтобы склонить его к «легализации». Однако, здесь он потерпел фиаско. И дело, конечно же, было не в «обновленцах», с требованием безусловного покаяния которых перед ним как законным носителем высшей власти в стране Патриарший Местоблюститель выступил в своём единственном послании к Российской Церкви от 15/28 июля 1925 года. Дело было в другом. Понятно, что никаких сомнений в лояльности гражданской власти со стороны митрополита Петра быть не могло. Очевидно также, что такую же лояльность со стороны подведомственного ему епископата и клира он мог гарантировать, отмежевавшись в свою очередь от того зарубежного духовенства, которое не желало быть лояльным СССР, будучи не связанным с ним гражданством. Однако для ОГПУ, которое при своих дальнейших трансформациях в ГУГБ НКВД, МГБ и КГБ было основным органом, курирующим религиозные вопросы в Советском Союзе, этого было ой как недостаточно. Советскому ведомству плаща и кинжала и стоявшему за ним советскому руководству нужно было, чтобы церковные деятели, по крайней мере, все руководящие на том или ином уровне, были послушными марионетками в их руках, причём действующими в интересах власти не в силу публичной законопослушности, а именно в силу секретного сотрудничества с советской тайной полицией. В то время как митрополит Петр настаивал на публичном характере отношений Православной Российской Церкви с государственной властью при соблюдении последней своего же законодательства, о чём он осенью 1925 г. заготовил для Совета Народных Комиссаров Союза ССР особую декларацию, которую надеялся вручить его председателю А. И. Рыкову. Однако встреча с ним Патриаршего Местоблюстителя не была допущена и к декабрю 1925 г. митрополит Петр как церковный предстоятель был обречён.

И вот здесь он совершает ту самую ошибку, которая относится к разряду роковых. А именно 6 декабря 1925 г. составляет распоряжение о сво-

их возможных заместителях на случай невозможности им отправлять свои обязанности Патриаршего Местоблюстителя. Ошибочным здесь было, прежде всего, составление такого документа, поскольку право на передачу своих прав и обязанностей в случае ареста или кончины Постановлением № 362 делегировало исключительно Патриарху Тихону. Остаётся думать, что митрополит Петр, арестованный и высланный из Москвы как раз накануне его принятия высшей церковной властью в лице Соединённого присутствия Священного Синода и Высшего Церковного совета под председательством Патриарха, имел смутное представление о его существовании, тем более, что патриаршая канцелярия оказалась в 1922 г. руках раскольников-«обновленцев» и вскоре была изъята у них ОГПУ.

Но ещё более роковым оказалось имя первого кандидата на заместительство – давнего друга митрополита Петра, в то время митрополита Нижегородского Сергия. На что надеялся митрополит Петр, идя на это назначение как на наиболее вероятное? На административный талант Сергия, на его «мудрость», на его «церковность»? А ведь поведение Сергия в 1922 г., казалось бы, должно было навсегда лишить его церковного доверия. Действительно, Сергий был тогда на свободе и мог воспринять высшую церковную власть, действительно, в 1924 г. он предпринимал усилия к легализации патриаршего управления на условиях созыва Поместного Собора. Очевидно, что и многолетние личные связи митрополита Петра с Сергием сыграли здесь решающую роль. И основанное на них доверие, как раз, и стало главной ошибкой Патриаршего Местоблюстителя, которую он затем искупал долгими годами беспримерных страданий и мученической кончиной.

Для Тучкова, который вскоре после ареста митрополита Петра 10 декабря 1925 г. узнал о назначении его заместителем митрополита Сергия это был воистину царский подарок, поскольку последний с его совершенно нехристианской жадой власти давно сидел на чекистском крюке.

Все бурные перипетии церковной жизни 1926 г., о которых так пронизательно и подробно пишут анонимные московско-киевские авторы на сайте, указанном в начале этих заметок, безусловно, служили одной цели – доведения митрополита Сергия до нужной кондиции полного подчинения ОГПУ во всей своей церковной деятельности. И не только митрополит Агафангел, возвратившийся из ссылки в апреле 1926 г. и надевавшийся воспользоваться своим законным местоблюстительством, чтобы повторить свой опыт 1922 г. (чего ему, понятно, Тучков совершить не дал), был использован для того, чтобы сделать Сергия более «ручным», но и ещё ранее, можно сказать, с самого декабря 1925 г., этому стал служить пресловутый «ВВЦС», который, как только цель приручения Сергия была достигнута, был, можно сказать, выкинут на свалку истории.

Ну и последнее. Когда же митрополит Сергей окончательно и бесповоротно полностью подчинился богоборческой власти? Принято считать, что после трёхмесячного сидения на Лубянке в начале 1927 года. Ничего подобного. Здесь я полностью согласен с анонимными авторами. Эта отсидка, воистину крошечная в масштабах тогдашних ссылок и заточений верных служителей Церкви, была не более чем операцией прикрытия. То, что Сергей – марионетка в руках Тучкова, он доказал, не учреждая свою «Московскую Патриархию», а пораньше, когда, несомненно, по заданию Тучкова организовал в октябре 1926 г. известную провокацию по «выборам» Патриархом митрополита Казанского Кирилла путём письменного опроса епископов. В результате им было собрано 72 подписи, что обрекло и самого Преосвященного Кирилла и всех подписантов на новые ссылки и заточения. Теперь путь к созданию Московской Патриархии был открыт.

Что же касается митрополита Петра, то он теперь, уже до своей мученической кончины, остался заложником своего рокового шага. Поскольку вплоть до 1937 г., когда в вихре Большого террора было не до канонических тонкостей, именно он фактом своего существования, пусть и в непроницаемой (с 1930 г.) изоляции, обеспечивал квази- (хотя я думаю, всё-таки, псевдо-) каноничность Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, как стал именоваться митрополит Сергей. Именно этим митрополит Петр и был обречён на беспримерные страдания.

Завершая эти скорбные заметки и отдавая долг светлой памяти последнего законного предстоятеля Православной Российской Церкви, хочу ещё раз напомнить приверженцам «Московской Патриархии», которая не только сохранила, но и в последние 18 лет приумножила свою inferнальную сущность, что они принадлежат к псевдо-религиозной структуре, в основании которой лежит измена Христу, ложь и, вообще, глубочайшая безнравственность.

Конференция «Крестный путь продолжается...»

хоже, не верят в действенность своих «отлучений». Уже столько раз Московская Патриархия подвергала всевозможным «прещениям» иерархов РПЦЗ, что, по ее логике, там и следов церковной благодати не должно было остаться. А теперь, как ни в чем не бывало, «воссоединяются» с ними и принимают «в сущем сани» без всяких условий! Несомненно, что обсуждение и осуждение не только ложной практики, но и лжеучения сергианства будет одной из главных задач грядущего полноправного Поместного Собора. Подлинное воссоединение Православной Российской Церкви и наведение в ней канонического порядка вряд ли будет возможным без необходимого прояснения догмата о Церкви.

Вы можете спросить: а как же «Поместные Соборы», которые, хоть изредка, но все же организует Московская Патриархия? Не споря о названии, надо отдавать себе ясный отчет в том, что они по существу таковыми не являются. И прежде всего потому, что на них представлены не все объединения общин Русской Церкви, а только одно из них. Однако на сегодняшний день ситуация настолько усложнилась, что возникает вопрос: а какие именно из воз-

воля Божия, благая, угодная и совершенная» (Рим.12:2). Давно созревшие, жизненно необходимые церковные реформы, начало которым было положено Великим Собором, сергианцами были загублены на корню – под предлогом «реакции на обновленчество». В результате Русская Церковь вновь оказалась обречена на ту гибельную духовную стагнацию, из-за которой уже дважды в истории рухнула великая православная цивилизация – сначала в Византии, а затем и в России.

Однако, несмотря на неуклонное и горячее стремление Московской Патриархии слиться с мирской властью, было бы неправильным по этой причине считать ее «отпавшей от Церкви», как заявляют некоторые «горячие головы» из РПЦЗ или катакомбников. Само по себе стремление использовать государственные ресурсы для расширения возможностей Церкви – дело обычное в истории Православия. Конечно, за союз с государством приходилось порой платить непомерную цену; к тому же церковь, которая решилась на такой «брачный» союз, рискует однажды оказаться «вдовой». Попытки сближения с государством церковным преступлением не являются: такие попытки, хотя и вынужденные, предпринимали в свое время Патриарх Тихон и митр. Петр. Преступление совершается тогда, когда церковная группа, получившая «эксклюзивную» поддержку государства, на этом основании объявляет, что именно в ней воплощена вся полнота Поместной Церкви и начинает навязывать всем свою волю с помощью канонического насилия. Московская Патриархия, прибегая к такому насилию, нарушает одно из ключевых постановлений Великого Собора. Это определение от 2/15 авг. 1918 г. гласит: Церковь не может иметь никакой политической позиции, обязательной для всех ее членов; с другой стороны, никакие личные политические взгляды не препятствуют верующему быть полноправным членом Церкви.

Теперь я возвращаюсь к теме каноничности соборов Московской Патриархии. Мой вывод состоит в том, что они не могли бы считаться полноправными Поместными Соборами, даже если бы никакими другими объединениями в Русской Церкви не было. Решающее слово по этому вопросу было сказано архиепископом Ермогеном (Голубевым) в его письме 1967 г. к Патриарху Алексию I, в связи с 50-летием восстановления патриаршества. К сожалению, тогда глубина церковной мысли вл. Ермогена не была оценена по достоинству, хотя мы все относились к нему с глубочайшим уважением. Но теперь именно его идеи дали мне толчок к исправлению моей застарелой экклезиологической ошибки, о которой говорилось выше. Владыка Ермоген, рукоположенный в иеромонахи самим Патриархом Тихоном, своим одиноким и мужественным противостоянием «хрущевскому гонению» показал достойный пример исполнения архиерейского долга. В те годы, когда общее число церквей сократилось вдвое, он в двух епархиях не позволил закрыть ни одного храма, за что и был в угоду властям отстранен Патриархом Алексием I от служения.

Рассматривая вопрос об участии священников и мирян в Поместном Соборе, вл. Ермоген писал: «С принципиальной, церковно-канонической, точки зрения вопрос о составе Собора прежде всего должен решаться в зависимости от того, каким образом сформирован епископат. Если епископы избирались епархиями в установленном церковными канонами порядке и вследствие этого являются действительными представителями своих епархий, то, разумеется, Собор, как представительный орган Церкви, может состоять и из одних епископов. Если же епископы не избирались, как того требуют церковные каноны, а в нарушение их назначались, то ясно, что сформированный таким порядком епископат не может иметь ни канонического, ни морального права представлять те епархии, которые его не избирали. В этом случае Поместный Собор обязательно должен иметь в своем составе в качестве полноправных членов не только епископов, но и клириков и мирян, надлежащим образом избранных». [Полный текст послания вл. Ермогена см. <http://www.apocryptism.ru/Hermogen.htm>]

Здесь владыка Ермоген обозначает главную болезнь Русской Церкви: глубокий внутренний раскол между епископатом и церковным народом. Раскол этот проявил себя уже во времена Патриарха Никона; в лице старообрядцев Русская Церковь потеряла свою лучшую часть, и никогда уже не смогла вполне оправиться после этого удара. В результате петровских реформ этот губительный раскол еще углубился, приведя Церковь в то состояние затяжного «паралича», о котором с горечью свидетельствовал православный мирянин Федор Достоевский. Не будет пре-

увеличением сказать, что прямым следствием этого духовного паралича стало крушение Православной Монархии в России. И лишь Великий Собор 1917-18гг. стал поистине пророческим усилием к исцелению этой кровоточащей раны в самом Теле Церкви. Сергианство же свело на нет результаты этого спасительного усилия и в новых условиях вернулось к привычной, губительной для Церкви «традиции».

Суть соборного представительства, конечно, не в процедуре «избрания» епископов (это была лишь установленная Собором промежуточная ступень к восстановлению утерянной церковности), а в органической, неразрывной связи епископа со своей церковной общиной. В Катакомбной Церкви нередко бывает так, что епископ сам создает вокруг себя общину – и, конечно, без всяких выборов становится ее «действительным представителем», по слову вл. Ермогена. О том же, каково положение в Московской Патриархии, вы все знаете не понаслышке. Епископат здесь существует практически отдельно от церковного народа – сам себя назначает, сам собой управляет, сам себя судит. Реальную пастырскую деятельность осуществляют только приходские священники, абсолютно бесправные перед епископом, не имеющие узаконенных форм соборного общения. [См.: Прот. Павел Адельгейм. Догмат о Церкви, <http://dogmat.icona.ru/>]. Однако, как только правящий епископ замечает, что связь священника с общиной становится слишком глубокой, – он тут же «перебрасывает» его на другой приход, или вообще увольняет за штат. Совершаемые под предлогом борьбы с «церковными нестроениями», подобные акции являются жестоким ударом в самое сердце возрождаемой церковной общности. Мотив этих акций отнюдь не в стремлении епископа помочь общине в преодолении действительно существующих приходских болезней – вождизма и лже-старчества. Суть дела в том, что ростки истинной церковности, возникающие на приходах, угрожают самому принципу существования иерархии как замкнутой касты, с бюрократических высот господствующей над Церковью, в свою пользу высасывая из нее все ресурсы.

Будучи фактически в расколе со своей Церковью, епископат при этом осознает и декларирует в качестве «Церкви» именно себя. Я вспоминаю, как в 1975 году мы с отцом Глебом Якуниным написали письмо на Ассамблею ВСЦ с призывом оказать поддержку исповедникам веры в России. Отец Иоанн Мейендорф, как член Оргкомитета, перевел это письмо на английский и раздал всем делегатам (а их было около 2000!). В результате оно бурно обсуждалось, хотя и не на трибунах, а в кулуарах. Глава делегации МП митр. Никодим (Ротов) (пытавшийся поставить под контроль КГБ все экуменическое движение) сбегал под предлогом болезни, оставив митр. Ювеналия «отбиваться» от вопросов и обвинений. И вот что он изрек в интервью местной газете: «Священник Глеб Якунин находится под запертием, а второй автор письма, Лев Регельсон, вообще не имеет никакого отношения к Православной Церкви». Что он этим хотел сказать? Да именно то, что и думал: Церковь – это епископы с подчиненным клиром, а миряне (т.е. церковный народ) «никакого отношения к Церкви» вообще не имеют! Народ для МП – это просто «потребители культурных услуг», а «Церковь» – это своего рода «комбинат по удовлетворению религиозных потребностей населения». И такой взгляд МП полностью совпадал с позицией, выраженной в советском законодательстве о культурах.

Пока эта ситуация не изменится в корне и пропасть между епископатом и церковным народом не будет ликвидирована, ни о каких канонических Поместных Соборах Русской Церкви не может быть и речи. Показное присутствие на Соборе 1945 г. мирян, подобранных церковных начальством (к тому же не имевших права голоса), ничего по сути не меняло. Ведь вл. Ермоген подчеркивает, что при отсутствии представительного епископата необходимо участие в Соборе клириков и мирян «в качестве полноправных членов», к тому же не назначенных сверху, но «избранных надлежащим образом».

Собор 1945 г. допустил и другие грубые нарушения церковных канонов. Так, архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) настаивал на правиле избрания Патриарха по жребию из трех кандидатов, набравших в тайном голосовании наибольшее число голосов (Определение от 13 авг. 1918г.). Но перед самым началом Собора он необъяснимо и внезапно заболел. Голосование было открытым и безальтернативным. Такая вот была «соборность»... Сейчас Московская Патриархия вообще провозгласила отказ от этих дорогостоящих – да при наличии свободы слова и рискованных – спектаклей в виде регулярных «Поместных Соборов». Более удобной формой для решения любых вопросов МП сочла «Архиерейские Соборы», ставшие своего рода внутриведомственными совещаниями епископата. Это отражает действительное положение вещей: вся остальная Церковь не принимает никакого участия в управлении собственной жизнью – и никаких намерений допустить ее к такому участию МП не выражает.

Поскольку при отсутствии канонических Поместных Соборов харизматической церковной власти быть не может, то в течение всей синодальной эпохи такой власти в Русской Церкви не было.

никших автономных объединений входят в состав Русской Церкви? Я предлагаю для обсуждения еще один тезис: поскольку мистическим Телом Церкви является церковный народ, то в состав Поместной Церкви входят все те общины и их объединения, которые добровольно и сознательно признают ее как свою Церковь. Понятие «Поместная» давно потеряло свой буквальный смысл: никого уже не удивляет существование общин Русской Церкви в Африке, состоящих из аборигенов. Так что сейчас правильнее будет говорить об Автокефальной Русской Церкви исторически преемственной с Православной Церковью Российской Империи, вышедшей за рамки территориального, государственного или национального принципа.

Все соборы Московской Патриархии были соборами лишь одной из равноправных и автономных частей Русской Церкви, объединением, исторически сложившимся вокруг митр. Сергия и его Синода. Сегодняшнее подавляющее превосходство Московской Патриархии в численности епископата и прихожан, не говоря уже о числе храмов, – обстоятельство исторически временное и случайное, никак не дающее ей права претендовать на то, что только она и есть Русская Церковь. Так, перед началом войны (до присоединения западных областей) катакомбная церковь имела значительно больше епископов и окормляла большее число верующих, чем тогдашняя сергианская патриархия. Что же касается последующего бурного роста МП, то по таким же, «экклезиологически ничтожным» причинам, еще большее могущество в свое время приобрел обновленческий раскол. Большая часть российских храмов (около 20 тысяч, не считая Украины и Белоруссии) была отдана в распоряжение обновленцев. Было у них более 100 епархий, были у них помпезные «Поместные Соборы», было признание со стороны Восточных Церквей. И где теперь обновленцы? На них исполнилось слово Писания: «Не надейтесь на князие, на сынове человеческия, в них же несть спасения» (Пс.145:3). Обновленцев давно нет, но от них остался ядовитый плод: глубокое недоверие церковного народа к любым попыткам подлинного обновления. Они извратили творческие задания Великого Собора, которые были порождены внутренними требованиями церковной жизни, пророческим призывом Св.Духа. В своем безответственном реформаторстве обновленцы были движимы совсем другим: страстной увлеченностью революционными мирскими стихиями или просто циничным стремлением угодить новым «хозяевам жизни». Единичные исключения в лице отдельных искренних реформаторов не могли изменить общую картину. Сам термин «обновление» был глубоко и надолго скомпрометирован, и сегодня употребляется разве что как ругательство. А ведь это новозаветное слово имеет глубокий и священный смысл: «Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть

Поэтому, в частности, все синодальные «анафемы» (вне зависимости от того – заслуженные или незаслуженные) следует считать недействительными. Первым носителем Первосвятительской власти после многовекового перерыва стал Святейший Патриарх Тихон. В силу исключительных обстоятельств, Собором было принято беспрецедентное решение: Патриарху Тихону было поручено по своему усмотрению выбрать трех достойных преемников на роль главы Церкви, сохранив в тайне их имена. Фактически все они получили соборную санкцию на правослаивательскую власть, став своего рода «Сопатриархами». Их имена были оглашены на похоронах Патриарха Тихона: митрополиты Кирилл, Агафангел, Петр; присутствующие епископы соборно подтвердили их полномочия. Ни о какой практике «наследования власти по завещанию» здесь не было и речи. Хотя при этом не была соблюдена буква канонів, но их суть была сохранена и реализована в новых условиях. Смысл же канонів заключается в том, что правослаивательская власть прямо и непосредственно коренится в церковной соборности. Это не есть «церковная демократия»: благодатная власть дается от Бога, но дается она только при условии соборного волеизъявления. Нет соборности – нет и харизматической власти.

Из этого понимания канонической ситуации в Русской Церкви вытекают важные практические выводы. Чтобы не признавать над собой власть МП, для оправдания своей позиции не нужно, как это нередко делается, впадать в ожесточение и обвинять иерархов МП во всех смертных грехах (ибо личных грехов, к сожалению, хватает и у епископов Катакомбной Церкви). Нет также необходимости преувеличивать значение отдельных аспектов деятельности МП (таких, например, как участие в экуменизме или слишком тесное сотрудничество с органами власти): даже отказ МП от этих практик не изменит ее канонического статуса. Оборонительная или агрессивная позиция по отношению к МП ничем не оправдана и совершенно не продуктивна. Для спокойной и плодотворной церковной работы вполне достаточно осознания того факта, что любая из катакомбных церквей, при наличии правильно рукоположенного епископата, имеет точно такие же канонические основания своего бытия, как и сама Московская Патриархия. Понятие же «раскола», которым так любят оперировать руководители МП, в сегодняшней ситуации просто не имеет экзеклюзивного смысла. Упрекая митр. Сергия в том, что тот, «в нарушение братской любви», применяет ко всем несогласным с ним кличку «отщепенцев и раскольников», митр. Кирилл свидетельствовал: «Ни от чего святого и подлинно церковного я не отделяюсь; страшусь только приступать и прилепляться к тому, что признаю греховным по самому происхождению, и потому воздерживаюсь от братского общения с митр. Сергием и ему единомышленными архипастырями».

Катакомбное движение в своих лучших проявлениях – не есть протестное («нео-протестантское») движение против МП, оно также не есть «альтернативное православие», как его окрестили бойкие журналисты. Это – начало того возрождения Православия, о котором веками мечтали лучшие люди России. Это – попытка создать живые, органичные формы церковности для реализации того громадного духовного потенциала, который таится в недрах русского народа, жаждущего незамутненной Христовой Истины. Номенклатуру МП, вопреки всем ее декларативным заявлениям, подлинное возрождение Православия заботит менее всего. Самоотверженные усилия отдельных клириков и тем более иерархов внутри самой МП неизменно встречают глухое, упорное сопротивление со стороны этой замкнутой бюрократической организации, движимой могучим инстинктом самосохранения. Единственное, в чем она проявляет неукротимую энергию, – овладение церковной недвижимостью, этим историческим достоянием всего российского народа, на которое МП, вводя в заблуждение государственную власть, предъявляет свои экзеклюзивные права. И это никого не должно удивлять: распоряжение храмовыми зданиями есть главный источник «могущества» Московской Патриархии, как в свое время оно было источником могущества обновленцев.

В заключение я считаю необходимым еще раз подчеркнуть: одна из самых опасных ошибок, которую могут совершить руководители катакомбного движения – начать запугивать верующий народ заявлениями о «безблагодатности таинств» в других частях Российской Церкви. Не стоит здесь подражать недостойному поведению Московской Патриархии, которую не останавливает опасение совершить смертный грех: хулу на благодать. Ведь даже по отношению к такому явному узурпатору и разрушителю Церкви, каким был митр. Сергий, святой Кирилл не позволял себе подобных обвинений. Вот что он пишет об этом: «С моей стороны ничуть не заподозривается якобы безблагодатность совершаемых сергианами священнодействий и таинств (да сохранит нас Господь от такого помышления)». И он не раз повторяет это в еще более сильных выражениях. В письме к митр. Сергию в конце 1929 года он говорит «о том ужасе, с каким оттал-

кивал от себя эту мысль», и далее продолжает: «Вы сами отмечаете этот мой ужас и, прибавляя после сего и меня к таким хульникам, говорите просто неправду».

И, наконец, самое трудное (но, может быть, и самое важное) – всеми силами избегать сектантского духа, который выражается, прежде всего, в нетерпимости катакомбных церквей друг к другу. Ибо, как сказал Господь: «По тому узнают все, что Вы Мои ученики, если вы будете иметь любовь между собою» (Ин. 13:35). Речь, конечно, не идет о том, чтобы потакать злоупотреблениям недобросовестных деятелей, которые возникают как пена на волне церковного возрождения. Так было всегда в переломные, критические периоды церковной истории, и Церковь накопила огромный опыт в отделении истинного от ложного в своей собственной жизни. Этот опыт учит, что нельзя изменять своим убеждениям и насильствовать свою религиозную совесть «ради мира церковного» (излюбленное «обоснование» репрессий МП против своих критиков). Таким путем мир никогда не достигается. «Они говорят: Мир! Мир! А мира нет» (Иер. 6:14). В наших обстоятельствах именно среди самых искренних и ревностных «работников на ниве церковной» неизбежны разномыслия, порой глубокие и болезненные. Их не следует обходить или зашугивать, – но они не должны становиться поводом ко взаимному отрицанию и отчуждению. Конечно, братская любовь при отсутствии единомыслия есть тяжкий крест, но без этого никакое соборное единство родиться не может.

Волки в овечьей шкуре

«... лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили...», – читаем у евангелиста Матфея (18. 5). Эти страшные слова пронзают слух настолько, что сознание с трудом их отождествляет с Евангелием Господа нашего Иисуса Христа. Грозное предостережение! «... Кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня...», – эти слова обращены Спасителем к апостолам и, конечно, к тем, кто взял на себя бремя апостольского служения. Конечно, «надобно придти соблазнам, но горе тому человеку, через которого соблазн приходит».

Однако, множась племя лжепастырей свидетельствует о забвении этих грозных слов Спасителя, об охладении к ним. О притуплении религиозного чувства, которое, в свою очередь, обусловлено потерей Страха Божия, который, как известно – «начало Премудрости»... А иначе как объяснишь деяния некоторых бывших членов Священного Синода, к счастью – ныне извергнутых из него. Именно к ним обращены эти грозные слова-предупреждения Спасителя. Но, с завидным постоянством, эти лжепастыри, не только не радевшие об единой заблудившейся душе, но сами являвшиеся соблазном для членов Истинно Православной Церкви, выйдя за её церковные ограды продолжали сеять соблазн и смущения. Шагая в ногу с суетным миром, эти «пастыри», и пользуясь недостаточной образованностью пользователей, смущают «малых сих». Я имею в виду, прежде всего: Кириака (Темерциди), Арсения (Киселева), Венедикта (Молчанова), Максима (Однорала), которые попрали не только Законы Божьи, но и человеческие; вышеназванные господа игнорируют не только каноническое, но гражданское и уголовное право.

Не касаясь нравственной оценки их поступков, обращаю Ваше внимание на факт такой помраченности душ наших «героев», что они словно лишились элементарной здравой рассудочности: ругающий среду, из которой он вышел, ставит, прежде всего, под сомнение самого себя.

Еще одно чувство, которое порождается в христианской душе от этого обилия волков в овечьей шкуре, – ощущение близости Судов Божьих.

Будем молить Милостивого Бога, да грехи наши не будут чрезмерными, а покаяние – достаточным.

Смиранный Павел
Архиепископ Волоколамский
Викарий Московской епархии

21 марта 2008 года Епископ Кубанский и Донской АЛЕКСИЙ (Бойко Виктор Юрьевич) отметил свой 45 летний юбилей.

Владыка Алексей был рукоположен во диакона 26 октября 1986 г., епископом Ставропольским и Бакинским Антонием (Завгородним) РПЦ МП за Божественной Литургией в Кафедральном соборе

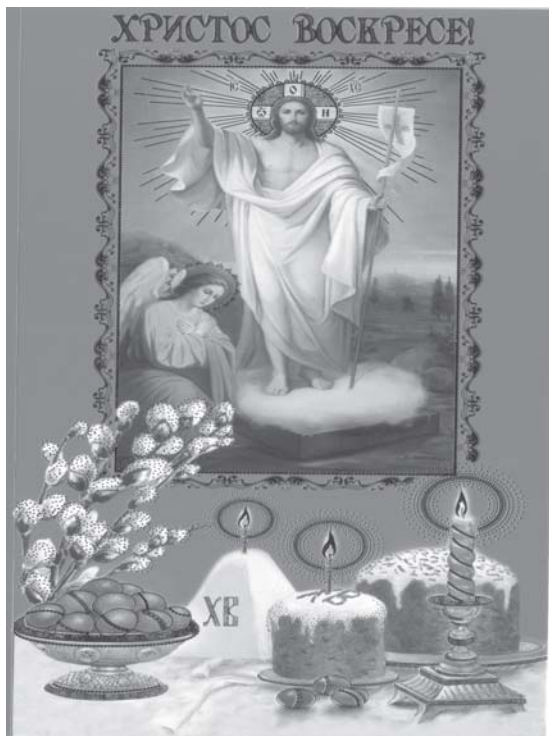
апостола Андрея Первозванного. В декабре того же года диакон Виктор был переведен из кафедрального собора штатным диаконом в храм апостола Петра и Павла ст. Зеленчукской.

3 мая 1987 г. диакон Виктор Бойко был рукоположен Архиепископом Антонием (Завгородним) РПЦ МП в кафедральном соборе апостола Андрея Первозванного во иерея и отправлен штатным священником в храм Петра и Павла ст. Зеленчукской. В январе 1989 г. митрополитом Ставропольским и Бакинским Геденом РПЦ МП иерей Виктор Бойко был назначен настоятелем самого древнейшего храма в России (6-й век), в честь Ильи Пророка п. Нижний Архыз. 21 ноября 1990 г. за Божественной Литургией в храме Архистратига Михаила г. Пятигорска иерей Виктор Бойко был удостоен права ношения наперстного золотого креста.

Владыка Алексей, примерно с 1991 года узнал о Русской Православной Церкви Зарубежом (РПЦЗ), которую в России в то время возглавлял епископ Валентин (Русанцов), после чего, разобравшись в истине церкви, иерей Виктор Бойко уходит из РПЦ МП и просит принять его в лоно РПЦЗ, где местоблюстителем патриаршего престола был Митрополит Виталий (Устинов). Иерея Виктора Бойко принимают в лоно РПЦЗ под омофор епископа Валентина (Русанцова). Отец Виктор Бойко открывает приход в той же станице Зеленчукской, у него появляется постоянная паства. После длительного служения, в 1996 г. Архиепископом Валентином (Русанцовым) протоиерей Виктор Бойко был награжден крестом с украшением и правом ношения митры. В 1997 г. митрофорный протоиерей Виктор Бойко становится клириком Российской Истинно Православной Церкви, которую возглавляет Митрополит Рафаил (Прокопьев) - РИПЦ. В то время, да и на сегодняшний день это единственная истинная, зарегистрированная и благодатная церковь. Так митрофорный протоиерей Виктор Бойко встал на истинный и благодатный путь. 19 июня 2005 г. митрофорный протоиерей Виктор Бойко принимает монашество с именем Алексей в честь преп. Алексия человека Божьего, постриг возглавлял Митрополит Рафаил (Прокопьев). 21 июня 2005 г. архимандрит Алексей Бойко собором архиереев во главе с Митрополитом Рафаилом (Прокопьевым) был хиротонисан во епископа Зеленчукского, Викария Кубанской и Северокавказской епархии.

С 21 января 2008 г. постановлением Священного Синода РИПЦ была образована новая епархия Кубанская и Донская, которую возглавил Преосвященный Алексей.

Юбилей совпал и с днем Ангела Владыки Алексия. 30 марта 2008 г. Преосвященный Алексей, епископ Кубанский и Донской, за Божественной Литургией Василия Великого в день празднования памяти преподобного Алексия человека Божьего, вместе с сослужащей ему братией и секретарем епархиального управления, иеромонахом Даниилом, совершил торжественное Богослужение в храме Успения Пресвятой Богородицы по случаю своего дня Ангела.

О СВЯТОЙ ПАСХЕ

Ныне спасение миру – видимому и не видимому. Христос восстал из мертвых; восстаньте с Ним и вы; Христос во славе Своей – восходите и вы; Христос из гроба – освобождайтесь от уз греха; отверзаются врата ада, истребляется смерть, отлагается ветхий Адам, совершается новый. Пасха, Господня Пасха! И ещё скажу в честь Троицы: Пасха! Она у нас праздников Праздник и Торжество торжеств; столько превосходит всё торжество даже Христовы и в честь Христа совершаемые, сколько солнце превосходит звезды.

Святитель Григорий Богослов

Сегодня воскресением Христовым открыта преисподняя, земля обновляется крещением оглашенных, Небо отверзается Духом Святым. Открытая преисподняя возвращает мёртвых, обновлённая земля произраждает воскрешаемых, отверстое Небо приемлет восходящих. Преисподняя возвращает узников к горнему, земля шлёт погребённых на Небо, Небо им восприятых представляет Господу.

Святитель Амвросий Медиоланский

Мудрость изрекла, что в день веселия забывают о бедствии. Настоящий день заставляет нас забыть первый, произнесённый на нас приговор. Тогда мы ниспали с Неба на землю – ныне Небесный соделал и нас небесными. Тогда через грех воцарилась смерть – ныне жизнь опять получила владычество через правду. Тогда один отверз врата смерти – и ныне Единым вводится снова жизнь. Тогда через смерть мы отпали от жизни – ныне жизнью упраздняется смерть. Тогда от стыда крылись под смоковницею – ныне со славою приблизились к Древу жизни. Тогда за преслушание изгнаны были из рая – ныне за веру вводимся в рай. Что же после сего нам должно делать? Что иное, как не разыграть подобно горам и холмам, о коих возвещал пророк, говоря: *горы възыграются яко овни, и холми яко агнцы овчи* (Пс.). Итак, придите, возвеселимся о Господе! Он сокрушил силу врага и водрузил для нас победное знамение Креста, поразив противника. Воскликнем гласом радости, каким обыкновенно восклицают победители над трупами побежденных.

Святитель Григорий Нисский

Вот наступил для нас вожделенный, спасительный праздник, день Воскресения Господа нашего Иисуса Христа. Этот праздник есть залог мира, источник примирения, истребление врагов, разрушение смерти, гибель диавола. Сегодня люди соединились с Ангелами и, обложенные плотию, вкупе с бесплотными Силами, возносят хвалебные песни Богу. Сегодня Господь сокрушил врата ада и само лицо смерти истребил. Но что я говорю, лицо смерти? Даже само имя смерти изменил: она теперь называется уже не смертию, но упокоением и сном.

Святитель Иоанн Златоуст

Святейший Архиепископ Московский Митрополит Всероссийский Рафаил посетил епархии в Украине

22 марта сего года Святейший Архиепископ Московский Митрополит Всероссийский Рафаил в сопровождении Высокопреосвященнейшего Сергия митрополита Царскосельского, игумена Иннокентия и иерея Василия прибыли с официальным визитом в Украину. Первым пунктом остановки был кафедральный город Луцк. На перроне железнодорожного вокзала Святейшего Рафаила и сопровождающего его лиц встречал Высокопреосвященнейший архиепископ Луцкий и Волынский Спиридон с клиром и прихожанами епархии, которые поднесли дорогим гостям хлеб-соль на украинском рушнике. После теплой встречи кортеж отправился в ознакомительный маршрут почитания православных святынь и достопримечательностей г. Луцка. После ознакомительной экскурсии делегация прибыла к Церкви, где состоялось Всенощное богослужение.

На следующий день, в воскресенье, в Свято-Михайловском кафедральном соборе ИПЦ(Р) в г. Луцке была совершена Божественная литургия, которую возглавил Святейший Архиепископ Московский Митрополит Всероссийский Рафаил в сослужении Высокопреосвященнейшего Спиридона Архиепископа Луцкого и Волынского, а также клира Волынской епархии. После Божественной литургии Святейший Рафаил провел пастырскую беседу с прихожанами и священнослужителями Волыни.

В этот же день Святейший Рафаил с сопровождающими лицами, а также Архиепископ Спиридон отправились в столицу Украины – Киев, где 24 марта высоких гостей встречали священнослужители и монашествующие ИПЦ Киевской епархии. После встречи был соборно отслужен благодарственный молебен и состоялась беседа по текущим вопросам церковной жизни. Затем состоялась экскурсия по святым местам Киева, а именно: Киево-Печерская Лавра, Софийский Собор, монастырь в Китаевой пустыни и много других. К делегации присоединился Высокопреосвященнейший Андрей (Трегуб) митрополит Киевский и Галицкий, (который 18-23 марта 2008 года находился с визитом в США, где по приглашению руководства Йельского университета (г. Нью-Хейвен) прочитал ряд лекций и принял участие в научно-практической конференции, а также почтил прах недавно усопшего главы РПЦЗ (МП) митрополита Лавра (Шкурлы)) и под его водительством отправилась для ознакомления в Полтавскую епархию. Гости посетили несколько храмов, в том числе домовый храм в г. Лубны, но по недостатку времени совершить Богослужения здесь не удалось. Пришлось ограничиться только встречами с паствой.

25 марта кортеж автомобилей, в которых путешествовали по Украине Святейший Архиепископ Московский Митрополит Всероссийский Рафаил и сопровождавшие его архиереи и священнослужители прибыл в Днепропетровск, где их ожидал возглавитель епархии Преосвященнейший Матфей епископ Днепропетровский и Запорожский с клиром и мирянами. На следующий день – 26 марта – в храме святителя Николая Чудотворца г. Верхнеднепровска состоялась Божественная литургия Преждеосвященных Даров.

Затем гости из Москвы провели несколько приходов Днепропетровской епархии, в т.ч. в г. Днепропетровске, пос. Павловка Верхнеднепровского района – храм апостолов Петра и Павла, храм Успения Пресвятой Богородицы г. Верхнеднепровска, где встречались с прихожанами и отвечали на их вопросы, а также посетили знаменитые места г. Днепропетровска, после чего выехали в Сумскую епархию.

В пятницу, 28 марта, высокопочтимые гости прибыли в г. Ахтырка, где состоялась встреча делегации с Высокопреосвященнейшим Михаилом архиепископом Сумским и Ахтырским, клиром и паствой. С места встречи делегация отправилась в пгт. Чулаховка, где в храме Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня находится мироточивая чудотворная икона Пресвятой Богородицы «Ахтырская».

Почтив икону, делегация отправилась на краткую встречу с паствой, которая была продолжена после Божественной литургии Преждеосвященных Даров, где Святейшим Рафаилом была совершена хиротония во диаконы отца Виктора (Февидова). После полудня гости побывали на строительстве возводимого поблизости храма чудотворной Ахтырской иконы Божией Матери.

Далее делегация, в число которой временно

вошёл и Высокопреосвященнейший архиепископ Михаил, отправилась в пгт. Килиховку Писаревского района, посетив местный Свято-Троицкий храм.

Вернувшись в г. Ахтырку, посетили г. Сумы и после небольшой экскурсии по городу гости из Москвы отправились на Родину.

По дороге в Москву делегация провела приходы Брянской епархии. В частности, были посещены приходы в Климовском и Прасовском районах.

Предс. издательского комитета ПРЦ – Митр. Царскосельский **Сергий**
Редакционная коллегия: Игумен **Иннокентий, о. Василий**
Адрес редакции: 105005 г. Москва, ул. Радио д. 12 стр. 1,
тел. +7 (095) 267-97-75
факс +7 (095) 261-56-07
 Адрес сайта ПРЦ в сети ИНТЕРНЕТ: <http://sinodipc.ru>
Макет и вёрстка: Издат.отдел ПРЦ
Лит. редактор: монахиня Илария
 Отпечатано в ООО «Красногорская типография» Заказ № Тираж 3000 экз.
 Номер подписан к печати 19.04.08 г.
 Рукописи не рецензируются и не возвращаются
Распространяется бесплатно.
«Поместный Собор»
 Рег. ПИ № 7717214 от 30.12.2003 г.